

__Подвеска «Павлины»
работы Рене Лалика,
1902–1903

__Брошь Tiffany & Co.,
переиздание модели
1905 года

__Брошь Tiffany & Co.,
конец 1910-х

__Брошь Tiffany & Co.,
переиздание модели
1907 года

__Брошь и эскиз к ней.
Tiffany & Co.,
начало 1900-х

__Брошь Chopard,
2009

__Колье Tiffany & Co., 1898

абажуры для ламп. На своей фабрике Тиффани получал стекло 5 тыс. оттенков; оно могло быть опалесцирующим (мерцающим), иризирующим (с радужной переливающейся поверхностью), вулканическим (с чередованием блестящих и матовых поверхностей) или складчатым (с неровной поверхностью, дающей игру оттенков). Большая коллекция изделий Тиффани хранится в музее Метрополитен; его лампы до сих пор являются воплощением роскоши, немного агрессивной, на европейский взгляд. Лампа «Кленовые листья» была продана на Sotheby`s за \$568 тыс., лампа «Лотос» в 1997 году ушла на торгах Christie`s за \$2,8 млн, установив непобитый до сих пор рекорд для ламп и для изделий Тиффани. А предыдущий рекорд, в \$1,76 млн, был поставлен в 1990 году на Sotheby`s неизвестным японцем, который купил лампу, над созданием которой работал Жан Даум, лепивший из стекла, и краснодеревщик Луи Мажорель.

Мажорель, а также его современники — Александр Шарпантье, Гектор Гимар, Виктор Орта работали в основном для крупных заказчиков, способных понять и оплатить стремление этих мастеров ар-нуво создать цельный, пронизанный едиными мотивами от пола до потолка интерьер. Образцы подобных интерьеров можно увидеть в парижских музеях — Орсе или Музее декоративного искусства. Если отдельные предметы их мебели попадают на аукционах, они могут стоить десятки тысяч долларов.

Предметы французского и бельгийского изысканного, текучего и пряного ар-нуво, роскошного американского «тиффани» довольно резко контрастируют с экзальтированным немецким «югендстилем» и геометричным венским «сецессионом», хотя у всех у них общий прародитель — Уильям Моррис с его «Движением искусства и ремесел». В 1900 году в Вене, а затем в 1902–1903 годах в Москве с большим успехом прошла выставка работ Чарльза Макинтоша. Если бы этот шотландец придумал только один-единственный стул — тот самый, с высокой прямой спинкой-лесенкой, все равно навечно вошел бы в историю дизайна. Под впечатлением от прямых линий мебели Макинтоша сторонник изгибов и извивов Виктор Орта заявил: «Я отошел от цветов и листьев и занялся стеблями и палками». В 2002 году стул Чарльза Макинтоша был продан на аукционе за £150 тыс.

В 1900–1910 годах прямые линии и углы активно использовались в школе венского модерна. Еще пять лет назад неказистые металлические лампы с целлюлоидными абажурами, скромные тумбочки и стулья выглядели незваными гостями на крупных ярмарках антиквариата, куда их начали привозить

австрийские галереи. Мало кому приходило в голову собирать и приобретать эти предметы, очевидно обозначившие авангардные веяния в прикладном искусстве. А в 2000 году кресло дизайнера Коломана Мозера с шахматным рисунком на сиденье было приобретено на Christie`s за рекордные £388 тыс. Коломан Мозер вместе с Йозефом Хоффманом в 1903 году создали одно из великих дизайнерских объединений в истории XX века — «Венские мастерские». Тут, согласно основополагающей концепции модерна, вместе работали художники и ремесленники, вручную создавая стильные изделия, отличавшиеся пристальным вниманием к форме и деталям. В манифесте объединения 1905 года Йозеф Хоффман объявил: «Наша сила — в правильных пропорциях и хорошо обработанных материалах». Дух Венской мастерской был проникнут Gesamtkunstwerk — идеей тотальности искусства. Тут делали мебель, украшения, серебряные, стеклянные и керамические изделия, текстиль. 3 марта 2011 года аукционный дом Phillips de Pury & Company устраивает в Нью-Йорке, по-видимому, первые тематические торги, посвященные продукции Венских мастерских. Стул Йозефа Хоффмана с высокой ажурной спинкой оценен в \$50–70 тыс., его же серебряная корзина, напоминающая деталь от стиральной машинки, в \$60–80 тыс., а странное украшение с подвеской из золотых пластин Коломана Мозера — в \$350–400 тыс.

Русский модерн, если оставить в стороне крупнейших художников этого направления и пару выдающихся зданий в Москве, почти неизвестен в мире. Это продукция Абрамцевской и Талашкинской художественно-промышленных мастерских, основанных на тех же, унаследованных от Джона Рескина и Уильяма Морриса принципах. В Абрамцевской мастерской делал свои майолики Михаил Врубель: прошедшей осенью его «Ассириец» был продан на аукционе русского искусства Sotheby`s за £180 тыс. Тогда же бронзовый подсвечник в виде лебедя, созданный княгиней Марией Тенишевой, возглавлявшей Талашкинские мастерские, был продан на Christie`s за £121 тыс., ее же подсвечники — за £145 тыс. При этом все остальные предметы, предложенные на торгах — резная деревянная мебель и вышивка, созданная в рамках романтического-народного течения русского модерна (Абрамцево, Талашкино, Сергиев Посад), владельцев не нашли. Из всех подобных произведений неизменным успехом у любых покупателей (начиная с русского царя Александра III) пользуется разве что кресло «Дуга, топор и рукавицы», созданное в 1870 году петербургским столяром Василием Шутовым и с тех пор нещадно копируемое.